Кана Галилейская (Евангельский этюд)

Галилея — солнечная, лазурная. Как хорошо изобразил ее художник Поленов в своих пронизанных светом изумрудно-смиренных тонах.

Там, на юге, в выжженной безглагольной иудейской пустыне искушаемый Христос видел обезображенную природу. И не воспоминания ли о прекрасной Галилее питали в Нем великую жажду претворения пустыни мира в цветущий сад?
Городок Кана находился в плодородной долине Завулоновой, к западу от Галилейского моря.

Теперь это развалины, вблизи которых расположена деревня Кефр-Кенна. В гончарных заводах там делают кружки в память о тех, в которых на брак раздавали вино Христово. Около — колодезь со светлой водой — из него черпали служители пира. Тут же был дом Варфоломея (Нафанаила), где и совершился брак (по преданию). За два дня до этого сказал Иисус Нафанаилу: «Увидите небо отверстым». И именно на брачном торжестве совершилось это чудо, претворение воды в вино. Этим Христос напомнил святость брака, того сочетания двух существ, которое служит образом союза Бога и человека. Религия и в Ветхом Завете часто сравнивается с браком (Осия). Новый Завет — таинственный брак между: женственно-смиренной душой человека и Агнцем Небесным Женихом. Христиане — сыны чертога брачного.
Помнишь ли это, душа, ждешь ли Его, как верная невеста? Всегда? А сейчас? Не погас ли светильник в твоей руке? Не запятнана ли белая одежда? «Се, Жених грядет в полуночи».

Был зван Иисус на брак... Позвали Иисуса... Ты знаешь ли, когда робость бывает? Когда можешь с чистым сердцем позвать на твой праздник Иисуса? В Его присутствии будешь знать всему меру и место. Зовем ли мы Его на наши радости? Не чаще ли вспоминаем в горе? А особенно — зовем ли мы Его на брак? Только с Ним брак — счастье и мудрость. Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них. «Брак истины» — отречение от себя для другого во имя Христа. Однажды, в доме одной молодой христианской семьи я видел девиз на стене: «Я и дом мой

будем служить Господу» (Иисуса Навина 24 гл., 15 ст.). На брак в Кане просили Иисуса, и Он пришел. У Него нет отказа. «Призови меня... и Я услышу тебя». Была там и Матерь Иисуса. И, вот, она говорит: «Вина нет у них», а между тем гостей прибавилось. В этом ее женственно-хозяйственная чуткость и сострадательность. Что такое вообще женственность? Из чего слагается ее благоухание и красота. Вспомним заветы Марии и подумаем, чему учит ее пример. Первая красота ее — внимательность к великому, к Божьему. (Гений есть внимание — говорит Гете). Ее углубила долгая жизнь в храме, в созерцании красоты Господней. Отсюда ее благоговение к речам Иисуса. «И матерь Его сохранили Слова сии (хотя еще не постигла их) в сердце своем». Не эта ли черта создала великих женщин от Екатерины Сиенской, до Елены Келлер. Не она ли возвышает вдумчивую Татьяну над рассеянной, легкомысленной Ольгой у Пушкина. Вторая черта звучит в ответе святой Девы архангелу Гавриилу, возвестившему ей о таинственном рождении Иисуса. «Се раба Господня, да будет мне по слову твоему». Какая беззаветная, дерзновенная вера. Эта восприимчивость к великому, принятие доли Бога, какова бы она ни была, как бы ни противоречила обычному ограниченному человеческому опыту. В этом глубочайшая, истинная женственность души, ее воспринимающая религиозность (пассивная сторона религии). Это религия, как поклонение высшему, созерцание, восприятие. И вот здесь перед нами третья черта Марии: «Что скажет Он вам, то сделайте». Это активное принятие воли Бога, как заповеди, — другая — мужественная, деятельная сторона религии, без которой она вырождается в праздное созерцание, расслабляющее личность и волю, (религия, как действие). Созерцание и действие — два весла. Если будешь работать одним веслом, будешь крутиться на месте. Эти слова Марии можно сделать руководящими для воли: «Что скажет Он».

Беспокоясь о том, как поступить там-то и тогда-то, сколько раз сбрасывал я с себя бремя мучительной заботы, вспоминая этот завет св. Девы. Ведь быть христианином, значит следовать живому Христу, исполнять Его непосредственные откровения, согласованные с требованиями места и времени, — а это нашему рассудку не под силу. И потому Он сам сказал: «Кто будет во Мне и Я в нем, тот сотворит много плода». (В греческом тексте еще оттенок: «Что бы Он ни сказал вам, сделайте»).

Это готовность на все. Быть всегда готовым на всякий Его зов, «быть всегда готовым — это главное» (Шекспир). Таковы заветы Марии. Глубоко в сердце надо сложить их, как святыни. Ответ Христа на слова Марии это замечательный, хотя и мало нам доступный урок для нее. Христос помогает святой Деве возвыситься от чувства материнской любви до веры в Него, как своего Господа и Спасителя. А это ей было особенно трудно: как мать, она особенно подвергалась искушению забыть, что Он Господь и для нее. Иисус напомнил ей, что Он сын ее лишь по плоти, а не по Божеству. Она ждет от Него чуда, а чудо — это явление Божественного порядка и зависит от воли Его Отца, т. е. Бога.
И в этом естестве она не Матерь Ему — потому Он и называет ее здесь уже иным именем: «Что Мне и тебе, жено»; т. е. нам, как людям — это знает и может лишь Бог. В другой раз Он дал это понять ей и окружающим, когда сказал: «Кто матерь Моя и братья Мои. Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и матерь». А нам урок, чтобы мы не руководились слепо заботами плотских родителей. «Я не смотрю на вас, говорил отцу, матери, братьям и сестрам, посвящаемый для служения Богу (в левиты — Второзаконие 33), у древних евреев. Не в связи ли с этим стоит завет Христа: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и

жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» ... Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником». И еще урок нам в словах: «Не пришел час мой». Не заботьтесь, не беспокойтесь не только о завтрашнем дне, но и о следующем часе, даже о следующей минуте».

Не заботьтесь ни о чем, поясняет ап. Павел (Фил. 4:6). Живите сейчас полной, спокойной, радостной жизнью в Боге. Оттого и сказано: «Пребудьте во Мне». «Верующий в Меня (не «уверовавший» — этого мало) имеет жизнь вечную». Иначе вы вовсе не живете, а только собираетесь жить или мечтаете о жизни. Помните, доктор Фауст соглашается тогда только признать себя счастливым, когда в состоянии будет сказать настоящему моменту: «Мгновение, остановись». Да, в этом психология всякого счастья! «Счастливые часов не наблюдают», без печали о прошлом, без тревоги о будущем. Жить так — это не значит падать духом, когда кругом буря, лишь бы Он был на возглавии лодки, лишь бы плыть по Его поручению. Не волноваться, когда впереди видится на дороге тяжелый камень: когда придешь, он окажется оставленным. «Я не чувствую в себе духа мученичества», сказал один юноша в ответ на призыв идти и проповедовать среди дикарей. Что же вы хотите ощущать его в этом зале, залитом электричеством? В тот час, когда вас будут мучить за Христа, Он даст вам дух мученичества. Это тогда, когда придет час твой.

И еще не надо унывать, когда иссякает вино. Он придет, когда нужно, когда все вино истощится, не раньше. «Когда нет никакой другой помощи, тогда, а не прежде, пробьет час Великого Помощника» (Тренч). И чудо будет уже вне сомнения — тогда не подумаешь, что Он смешал элементы, а не претворил их. (Августин): Да, Он претворил воду в вино. Христос — друг бедных.

Чудеса происходят из ничего, как мы иногда наивно думаем, действующая причина чудес — сила Божия, столь мало нами исследованная. В некоторых случаях Христос не мог совершить чуда, напр., встречая неверие, отвержение или праздное любопытство. В частности, вдумаемся в характер данного чуда. Вода и природа превращается в вино, только медленное. Вся природа — химическая лаборатория, великое таинство претворения. «Вот вино, падающее с неба», говорят о дожде французские крестьяне-виноградари. Христос обладал всеми силами неба и земли, сосредоточил в один момент многие процессы, необходимые для нашей искаженной действительности (мы живем в царстве НЕОБХОДИМОСТИ, вне рая, в земле изгнания, обезображенной грехом). И вот люди «увидели небо отверстым». Совершился переход из тесного царства необходимости в беспредельное царство свободы, лазурное царство, о котором говорит душе бездонная синева неба и его тайна звездная... В «Братьях Карамазовых» Алеша тоскует у гроба почившего старца Зосимы... О, этот железный закон смерти и тления. Даже он, праведный, святой отец не избежал его власти. «И в третий день брак был в Кане Галилейской», читает тихо монах. Истомленная душа, охваченная мистическими грезами. Но что это? Почему раздвигается комната... Потоки света и радости... Вот и Зосима среди возлежащих на брачной вечери Агнца, в небесной Кане Галилейской, где все претворено в ликующую жизнь, и смерть побеждена лучами светозарного Солнца — Христа. Да, именно, от Божьего чуда раздвигается тесная комната, в которой мы задыхаемся, уходят стены, замыкающие дух, распадается футляр, гроб, тюрьма с железной решеткой, заколдованный круг выпрямляется в линию, в прямую, широкую, хрустальную дорогу, и в конце ее Солнце. Открывается небо... Эту радость в Галилее, начало нового миропорядка, провидел еще Иоанн, говоря о Галилее языческой, в частности о земле

Завулоновой. «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий, на живущих в стране тени смертной свет воссияет. Ты умножишь народ, увеличишь радость его». Это сказано, как раз перед пророчеством о Мессии, о Его Божественном величии, о таинственном Младенце, Который вместе с тем есть «Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9:6), какая жажда чуда простерлась сейчас по всей земле, начиная от отдельного человека, у которого над душой закрылось небо, до политического горизонта, на котором черные тучи вражды и тьмы заволокли далекую светлую мечту всечеловеческого братства, и до космического томления всей твари по новом небе и новой земле. Да, мы жаждем претворения прозы жизни, пресной воды обыденщины в вино творчества. Воли греховной, сгорающей в нечистых страстях, в побеждающую силу, в способностях к чистой и святой жизни. Что, если не чудо превратит печаль нашу в радость, как и обещал Христос. «Печаль ваша в радость будет». Кто преобразит эгоизм в любовь. Борьба за свое существование, самовлюбленность от вековой привычки стали настолько естественной, второй натурой, что первая-то наша подлинная натура — любовь (борьба за существование других) кажется нам уже чем-то сверхъестественным: и здесь нужно чудо, рождаемое верой. «Когда опять в любовь поверим и все сердца скуем в звено, вновь будем в Кане Галилейской и слезы претворим в вино», писал Бальмонт в начале революции. И чтобы эта любовь стала деятельной и мужественной, нужно, чтобы Бог претворил наше сердце трепетное в угль пылающий, огнем горящий «великим состраданием к погибающей душе». Именно этим огнем переплавятся мечи в плуги и распадутся стены, отделяющие нас от неба и друг друга — откроется небо, — вздохнет измученная душа, распахнет она свои орлиные крылья. Нет, все живые люди, у которых еще жива высокая мысль о человеке, все мы, и верующие и атеисты, как товарищи по несчастью и как сыны одного Отца, томимся по великом перевороте, по возрождении.

«Должно нам родиться свыше» (Иоанн. 3).

И эту жажду так выразительно передает Шевченко в одном из своих неизданных стихотворений:

«О, Боже сильный и правдивый, Тебе возможны чудеса: Исполни славой небеса, И сотвори святое диво — Воскреснуть мертвым повели, Благослови всесильным словом На подвиг новый и суровый, На искупление земли».

О если бы Ты расторг небеса и сошел. — Этот крик души к живому Богу объединяет и еврейского Исаию (64 гл.), и греческого Платона.

Если принимать Евангелие без чуда, без воскресения Христа, без творчества, то «пребывать в миру» невозможно и бесцельно. И тогда непременно будет бегство из жизни, из Ясной Поляны в монастырь, в пустыню, в буддийскую безжеланность а, может быть, и прямо в смерть, или будет замыкание в жалкие правила неделания того и этого, с хорошими шорами на глазах. Без чуда завеса отделяет от нас самое великое и нужное, святое святых, где Бог. Но ведь завеса эта разодралась, «Бог расторг небеса и сошел», распалась могильная сень, и Солнце наше взошло. И мы постигаем это в час, когда Господь посещает нашу душу, и удивляемся, как могли мы проходить мимо Евангелия, скитаться на улице в лохмотьях, живя подаянием тут же у Божьих чертогов, которых мы не видели только потому, что стояли к ним спиной. А теперь с этой верой, не бойся жизни, люби землю и целуй ее. Мир не зло, но во зле лежит, зачарован великим гипнотизером-клеветником, «обольщающим вселенную». Теперь идите в жизнь смело, дружно молодой ратью, как витязи Господни. С вами общение Христа: «Ничто не повредит вам». С вами

молитва: «Не молю, чтобы взял их от мира, но, чтобы сохранил их от зла». «Благословен идущий во имя Господне». Перед ними идут ангелы Божьи в белых ризах с пламенными мечами. Только с этой верой в чудо возможно настоящее, вечное счастье, творчество, деятельное участие в жизни, по которым томилась душа. И вот почему повествование о Кане Галилейской, как и все Евангелие Иоанна, кажется сотканным из лучей света и радости.* «Блаженны званные на брачную вечерю Агнца», на великую Кану Галилейскую, вечерю Господню. «Жаждущий пусть приходит и желающий пусть берет воду жизни даром». «Приди и ты (что хоронишься от Бога) — «приди и пей с нами вино радости великой, новой, Божьей». «Как прийти?» спрашивают многие. Пути уже указаны в этом повествовании о Кане. Мы тогда преклонимся восторженно и безраздельно перед Богом, когда увидим славу Его, или хотя тень ее. «Видишь ли Солнце наше?» спрашивают Алешу. А он видит пока лишь потоки света, разлитые на всех участниках небесного пира. Всмотрись в эти лучи в природе, в лицах праведников, в слове Божьем и прежде всего в Звезде Утренней, которая являет нам доступное откровение о Боге во Христе.

«Исследуйте Писание». Второе — будь пустым сосудом, нищим, притом сосудом к Нему обращенным. В ведро, стоящее вверх дном, не прольется ни капли небесного дождя, ни одного луча. И третье — погрузи весь свой сосуд, всего себя в океан Божьего света (мы часто пытаемся сделать наоборот — Божью безбрежность втиснуть в свою малую чашу, в ничтожную раковину своего мозга).

«Что скажет Он вам, то сделайте». А все вместе заключается вот в чем. Чтобы стать вином, чтобы пережить таинства вина, надо приобщаться Лозе Виноградной. Чтобы творить и претворить, надо приобщаться Творцу.
«Я есмь лоза, а вы ветви»

Когда душой, рукой молитвы коснешься ризы Христа, в душу прольется чудо от Него, свет благоухающий — и тогда увидишь славу Его, славу как Единородного от Отца. «Чудом в Кане Иисус явил славу СВОЮ», и уверовали в Него ученики Его. Именно СВОЮ славу, божественную. Никто из людей не имеет своей славы (Откр. 4:10-11). Через эту славу постигнешь божественность Христа и тайну Его воскресенья. И тогда иди, и возвести великую весть претворения плачущим и рыдающим.

В. Марцинковский

*Первое чудо Нового Завета радостное — превращение воды в вино; первое чудо Ветхого Завета устрашающее — превращение воды в кровь (в Египте).

Комментарии
